

Сквозь тусклое стекло²

Слово «миф», как практически и все остальные слова, происходит из метафоры. Слова, которые мы сейчас употребляем, стали появляться когда-то, очень давно, в результате восприятия основной сущности и удивления, порожденного опытом восприятия, которые впоследствии превратились в воплощенные речевые образы. А потому довольно интересно узнать, что этимологически слово «миф» происходит от метафоры «смотреть прищурившись».

Прищуренный взгляд предполагает, что человек видит лишь смутно, узко и фрагментарно, но в глубине души допускает, что нечто остается для него невидимым. Прищуривание – так любимое художниками-визуалистами – также упрощает и помогает раскрыть сущность. Слово «близорукость» подразумевает прищуривание из-за недостаточной ясности зрения. Кроме того, есть слово «таинство», позволяющее нам подразумевать, что многое находится за границей нашего познания. «Никому ни слова» – оксюморон, подразумевающий таинство, то, о чем знают, но не говорят открыто.

Все наши образные представления (*kenning – können, kann, can*) проникают лишь очень на малую глубину. Поэтому миф поднимается из своей колыбели, покрытой пеленой таинства, и воспринимается нами через «тусклое стекло»: через намеки, почтение, трепет, разочарование и стремление к чему-то большему, намного большему. Такая *нуминозность* (от метафоры «кивать», словно что-то склоняется перед нами, признает нас, призывает нас) является нашим истоком, нашим пристанищем вдали от дома и концом нашего странствия.

² Это слова из 1-го Послания к Коринфянам апостола Павла: «Теперь мы видим как бы **сквозь тусклое стекло**, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (1 Кор. 13: 12). – *Здесь и далее примечания без помет, чьи они, принадлежат автору.*

«Мифологема» – это отдельный фундаментальный элемент или мотив любого мифа. Мотивы вознесения или погружения являются мифологемами. Странствие героя воплощает две мифологемы: героя и странствия, каждая из которых имеет свое характерное происхождение и свое отдельное значение, и вместе с тем, взаимодействуя синергетически, они увеличивают масштабность друг друга.

Это моя вторая книга, посвященная мифу³, поэтому либо меня что-то внешнее необъяснимо манит писать на эту тему, либо я нахожусь в плену какой-то внутренней зачарованности ею. Во всяком случае я постоянно возвращаюсь к теме мифа, испытывая побуждение размышлять над ней снова и снова.

На мой взгляд, миф – это самая важная психологическая и культурная структура нашего времени. Дело не только в том, что понятие мифа деградировало до общеупотребительного значения и стало неким синонимом лжи. Или, как было сказано, – в том, что миф является какой-то религией. Дело в том, что в культуре, принадлежащей материальному миру, доступ к невидимому миру, – который становится возможным благодаря мифу с присущими ему двумя главными средствами выражения: метафорой и символом, – никогда не был столь критичным в смысле создания некоторого духовного равновесия.

Несомненно, мы живем в сильной степени духовно обедненной культуре: зависимость от материализма поработила нас и заставляет нас поверхностно воспринимать мир; вскрикивания фундаменталистов всех мастей вынуждают нас пугаться и тревожиться, а банальные идеологии не расширяют, а скорее ограничивают наше душевное странствие, делают его не более, а менее масштабным.

По определению нам не дано познать безграничность, всемогущество богов, их всеведение и вездесущность, однако мы ежедневно и ежечасно становимся игрушками в их призрачных руках. С самого рождения в нас вселяется их энергия, мы ежедневно ощущаем, что она не зависит от нас, мы неумолимо движемся к собственной смерти и при этом все, без исключения, стремимся к постижению смысла жизни и к близости с другими людьми.

³ Первая книга на эту тему – *Tracking the Gods: the Place of Myth in Modern Life*. (Рус. перевод: Холлис Дж. В поисках божественной обители: Роль мифа в современной жизни. М.: Независимая фирма «Класс», 2008.)

Эта энергия невидима, хотя время от времени она ощущается, как только наполняет какой-то образ. Мы можем ее осознать лишь тогда, когда происходит ее воплощение. Такие образы существуют в нашем теле, в наших эмоциональных взрывах, в анналах нашей индивидуальной истории, в нарушающих наш сон сновидениях, в наших желаниях и в нашем вдохновении. Мы жаждем обрести смысл жизни, Бога, любовь, близость с другими. Вместе с тем мы сталкиваемся с угасанием, когда засыпаем, умираем или находимся в объятиях любимого человека, – и все это происходит в той великой темноте, в которой мы блуждаем.

Эта энергия, которая, по выражению Данте, движет солнцем и всеми звездами, которая проникает в новорожденного и испытывает множество превращений на протяжении множества жизней и смертей, а затем, дематериализуясь, снова возвращается в свое прежнее состояние, – эта энергия воспринимается только в образе. И тогда следовать за этим образом – все равно что следовать за богами. В данном случае «боги» – это персонифицированные метафоры таких энергий. Назвать их богами – это не значит конкретизировать их в угоду потребностям Эго, за исключением Эго, принадлежащего менталитету фундаменталиста. Скорее это происходит в соответствии с подлинной сущностью этих энергий – динамических космических энергий и энергий, присущих психодинамике отдельного человека.

Избегая метафизики, мы тем самым открываем дорогу эпистемологии. То есть, отказываясь конкретизировать бесконечное в терминалах конечности, мы тем самым даем себе возможность приблизиться к непостижимому. Мы «прищуриваемся», употребляя слово «боги», в знак своего уважения к автономии этих энергий и нашего осознанного создания вымысла (англ. *fiction* – от лат. *facere* – «делать»). Так как мы используем вымыслы все время в самых разных своих дискурсах, то осознанно не признавать в них вымыслов – значит оказаться околдованными буквализмом.

Зачем употреблять слова «боги» вместо более привычного и простого слова «энергии»? Причина заключается в том, что это слово все еще сохраняет в себе достаточно силы, чтобы вызывать почитание, а оказывая почитание этим энергиям, мы тем самым благоговеем перед ними. Не выражая ни малейшего неуважения к монотеистам разных убеждений, я хочу их попросить обратить внимание на то, что непочтительно не помнить о том, что все об-

разы божества являются метафорами, иначе они перестали бы быть божествами, а оказались бы артефактами эго-сознания, которые больше известны как идолы. Далее, важно помнить, что метафорически существует не один бог, а много, то есть имеет место много проявлений этого непостижимого и вместе с тем постоянно обновляющегося источника, из которого мы все появились.

Таким образом, наше употребление слова «боги» является осознанным, еретическим выбором, ведущим к углублению первого опыта, остающегося незавершенным, почитаемым и полезным. Как однажды заметил Оуэн Барфилд⁴,

Бывают такие времена, когда более всего требуется не столько открытие новой идеи, сколько несколько иной «угол зрения»; я имею в виду относительно небольшое изменение нашего способа смотреть на мир и на идеи, на которых уже сосредоточилось наше внимание⁵.

В этой книге я употребляю слово «миф» в трех разных значениях: 1) как психодинамический образ; 2) как индивидуальный сценарий и 3) как родовую систему ценностей.

МИФ КАК ПСИХОДИНАМИЧЕСКИЙ ОБРАЗ

Образ – это структура, обладающая способностью наполняться энергией, а будучи энергетически заряженной, она может вызывать отклик внутри нас. Как подобное вызывает подобное или несхожее вызывает несхожее, эта пробуждающаяся энергия движет нами независимо от того, хотим мы этого или нет. Наши предки были правы, когда персонифицировали любовь и ненависть, обращая их в лики богов, ибо они являются мощными властителями духа благодаря аффективно заряженным переживаниям. Кто возносился на вершины экстаза и погружался в глубины отчаяния, тот познал бога, который уже познал его. Тот, кто воплощает ярость, был одержим Аресом – богом, чья энергия, заставляющая человека покраснеть, может очень быстро исчезнуть, как только она нашла свое внешнее выражение в человеке и посред-

⁴ Оуэн Барфилд (1898–1997) – британский философ, писатель, поэт и критик. – *Примеч. пер.*

⁵ *Saving the Appearances: A Study in Idolatry*, p. 11.

ством человека. Проявление бога становится заметным, когда нацией овладевает жажда крови или когда Гомер описывает глаза Ахилла после смерти его друга Патрокла: «Очи его из-под веждей, как огненный пыл, засверкали»⁶.

МИФ КАК ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СЦЕНАРИЙ

Хотя многие из нас в любой момент могут оказаться в плену той или иной мифологемы, вместе с тем мы можем прийти к осознанию того, что часто оказываемся привязанными к длительным жизненным сценариям, которые незаметно, но постоянно проявляются на протяжении нашей жизни. Например, благодаря глубоко укорененному бессознательному чувству долга, происходящему из лона нашей родной семьи, мы можем всегда искать подтверждение тому, что нас видят, слышат и ценят. Или же мы можем посвятить свою жизнь исцелению других, узнав очень рано, что получить доступ к болезненному родителю можно, лишь подчинив потребности ребенка потребностям больного родителя. Перечень таких примеров может быть бесконечным. Основная задача анализа или вознаграждение при наступлении зрелости заключается в умении различать такие сценарии или индивидуальные мифы, действующие в человеческой жизни. Только тогда у человека появляется возможность сделать новый для него выбор.

В своей книге *The Middle Passage*⁷ я отметил, как воздействие таких мифов на наш естественный путь индивидуации выходит на уровень симптоматики. В книгах *Creating a Life*⁸ и *On This Journey We Call Our Life*⁹ я показал несколько возможных вариантов, позволяющих человеку идентифицироваться со своим индивидуальным мифом. У этого мифа существует много подтем и даже противоположная динамика, однако эти вопросы выходят за рамки нашего обсуждения. Тем не менее пренебрежение таким подтекстом означает, что человек совершает странствие бес-

⁶ Homer, *War Music*, p. 63. (Гомер. Илиада / [Пер. с др.-греч. Н. Гнедича]. Песнь 19.)

⁷ Перевал в середине пути: Как преодолеть кризис среднего возраста и найти новый смысл жизни. М.: Когито-Центр, 2008. – *Примеч. пер.*

⁸ Сотворить свою жизнь: Поиск своего пути. М.: Независимая фирма «Класс», 2006. – *Примеч. пер.*

⁹ Жизнь как странствие: Вопросы и вопросы. М.: Независимая фирма «Класс», 2009. – *Примеч. пер.*

сознательно, или, говоря иначе, он живет, ведомый бессознательными силами.

МИФ КАК РОДОВАЯ СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Культуры, как и отдельные люди, живут в соответствии с ценностями, и не только с ценностями, которые осознанны и постижимы разумом, но и с ценностями, которые являются бессознательными. Осознанные ценности воплощаются в культурных, этических нормах и в юридической системе, в традициях и в ощущении идентичности. Бессознательные ценности могут активировать реклама и пропаганда, природные и политические события, а также же коллективная межличностная динамика.

Например, невозможно объяснить восхождение Гитлера только экономическими или политическими причинами. Согласно предположению Юнга о причинах появления фашизма, здесь имела место некая иная динамика¹⁰. Эти причины включали в себя чувство неполноценности, выражавшееся через вполне пригодное для этого ощущение расового превосходства, проекцию содержания Тени, поиск козла отпущения и паранойальное определение предательства, как, например, *Dolchstoßlegende*¹¹, или представление о скрытой «пятой колонне».

Как утверждал Ницше, совершенно поразительно то, как ложные доводы и плохая музыка могут хорошо звучать, когда отправляешься в поход на врага¹². Плохие призывы и плохая музыка отвлекают человека от осознания того, что это действует комплекс, жажда крови, — зловещая ценность, которой можно было бы

¹⁰ См. прежде всего его статьи *Wotan* и *After the Catastrophe* в *Civilization in Transition*, CW 10 (CW – The Collected Works of C.G. Jung).

¹¹ *Dolchstoßlegende* (нем.) – тезис об «ударе ножом в спину» (лживое утверждение нацистов, будто Германия проиграла Первую мировую войну вследствие революции). – *Примеч. пер.*

¹² *The Dawn*, in *The Portable Nietzsche*, p. 91. (См.: Ницше Ф. Утренняя заря: Мысли о моральных предрассудках. М.: Академический проект, 2008. «Рассказывают о датском короле, что музыка какого-то певца так настроила его на воинственный лад, что он вскочил и тут же убил пятерых придворных: не было войны, не было врага, но сила, приводящая от чувства к причине, оказалась так сильна, что одолела и очевидность, и рассудок. Но именно почти всегда действие музыки таково, и чтобы понять это, нет надобности в таких парадоксальных случаях: состояние чувства, которое заставляет нас испытывать музыка, стоит почти всегда в противоречии с очевидностью нашего действительного положения и с рассудком, который сознает это действительное положение и его причины». – *Примеч. пер.*)

стыдиться, выставив ее на всеобщее обозрение. (Ницше был чрезвычайно одаренным человеком, у него был пророческий дар. Приблизительно за столетие до того, как это случилось, он писал: «Разве ты не слышишь запаха бойни и харчевни духа? Разве не стоит над этим городом смрад от зарезанного духа?»¹³) Точно такими же мифическими отыгрышами родовой Тени является подавление коренного населения Америки, ввоз рабов и последовательная институционализация расизма.

Если назвать эти коллективные движения мифическими, это может показаться странным, однако они представляют собой отыгрывание заряженных имаго, то есть ценностных систем, с которыми сознательно или бессознательно связана психика, даже если движущей силой наций является невидимый мир и индивидуальные и коллективные исторические парадоксы порождаются этими динамическими силами.

Если возразить, что тогда можно считать мифическими практически любой человеческий паттерн, результат жизнедеятельности или систему ценностей, то это возражение будет абсолютно правильным. В данном случае следует как можно лучше осознавать, что ценности являются носителями определенной энергии. Следует также осознавать, что, будучи заряженными этой энергией, они обладают динамикой, которая почти всегда оказывается независимой от контроля Эго, и что взаимодействие этих ценностных факторов определяет как индивидуальную человеческую историю, так и историю народа.

Наша цель заключается в том, чтобы стать более восприимчивыми в толкованиях наблюдаемого нами мира, чтобы осознавать движение невидимого. Другой, невидимый, мир существует, и он воплощается в видимом мире. История человека и сам человек представляют собой проявление этих энергий; благодаря таким проявлениям мы можем познать богов во всем их независимом величии.

¹³ "Thus Spake Zarathustra", in *ibid.*, p. 288. (Рус. перевод: Ницше. Ф. Так говорил Заратустра / Пер. с нем. Ю.М. Антоновского под ред. К.А. Свасьяна. СПб.: Азбука-классика, 2009.)

Природа восприимчивости к мифу

Как вообще могут совмещаться природные паттерны и глубинные движения и устремления души, если не во вневременной динамике мифа? Что связывает с духовностью нас, жителей Запада, купающихся в материальном изобилии, и что соединяет нас с трансцендентным?

Симптомы отделения от корней, полного разрыва с родовыми имаго, которые связывали наших предков с космосом, божеством, родом и самостью, в последние четыре века становились все более и более очевидными. Научный метод, который отделяет субъекта от объекта и опирается на контроль, повторяемость и предсказуемость, а также претензии монархов и парламентов на определение судеб всего мира заставляют современного человека плыть по течению, не имея никакого сакрального предания, которое могло бы провести его сквозь дебри обманчивых мирских суррогатов.

Такие главные изменения в человеческой восприимчивости, с одной стороны, принесли человеку пользу, а с другой – стали его проклятием. Развитие наук способствовало уменьшению смертности и увеличению продолжительности жизни и дало нам огромные преимущества в налаживании средств связи и транспорта, производительности труда и расширило возможности общения.

Разрушение «божественного права» привело к развитию демократии и переложило бремя ответственности с монарха на гражданина, и тогда человек ощутил свое достоинство и свою значимость. Вместе с тем, как в 1936 году заметил Юнг, «в конечном счете большинство наших трудностей вытекает из утраты нами контакта с нашими инстинктами, с той незабываемой древней мудростью, которая сохранилась в нас»¹⁴.

¹⁴ "The 2,000,000-Year-Old Man", in William McGuire and R. F. C. Hull, eds., *C.G. Jung Speaking*, p. 80.

Фактически, инстинктивная мудрость может быть потеряна для сознательного мышления, но в неимоверных глубинах бессознательного воплощаемая природой мудрость никогда не забывалась, и, если не давать ей возможности внешнего выражения, она будет проявляться в патологии.

Эта история из истории хорошо известна, поэтому ее не стоит здесь повторять. Но проблема доступа к невидимому миру всегда оставалась главной. Чтобы в наше время найти новый взгляд, научиться видеть под другим углом, как говорит Барфилд, требуется психологическая установка, желание заглянуть вглубь, чтобы заметить на этой глубине действующие силы и то, как они интериоризируются каждым из нас.

Во многом современная психология вряд ли заслуживает своего названия, ибо она не является способом отражения «души» (слово, производное от греческого *psyche*), что вытекает из этимологии. Большинство течений современной психологии подразделяют личность человека на поведенческую, когнитивную сферу и неврологию, которые соответственно корректируются и лечатся путем научения, упражнения и применения средств фармакологии. Хотя в некоторых случаях такое разделение личности приносит пользу, от решения более общего вопроса поиска смысла психологи часто отказываются, не имея достаточно профессионализма или отвечая массовому спросу. Так что же происходит, если не прислушиваться к душе? Почему нам нужно чего-то быстрее достичь или что-то лучше узнать, если мы не имеем никакого представления о том, кто мы такие и каким ценностям отвечают эти блоки информации?

Если мы не спрашиваем, что хотят боги, – то есть в чем заключаются скрытые намерения этих древних автономных сущностей души, – значит, мы живем не только поверхностной жизнью, но и обманываем сами себя. Это умозаключение вряд ли покажется новым, однако оно потребует от нас укрепления силы духа, иначе «окультуривание» современности неминуемо приведет нас к душевному разладу. Как отмечается в древнекитайском тексте «Искусство разума»,

Человек хочет знать именно *то*... Но его средства познания представляют собой *это*... Как он может познать *то*? Только совершенствуя *это*.¹⁵

¹⁵ См. Arthur Waley, *The Way and Its Power*, p. 42.

То – это внешний мир, который мы хотим познать, но мы его можем познать только посредством *этого*, нашего внутреннего, очень индивидуального способа познания. Если мы не знаем *это*, то находимся во власти того, *что* предназначает нам мир. Истинная эволюция нашего мира заключается не столько в учении Дарвина, несмотря на его великую полезную метафору, сколько в учении Юнга, сделавшего для современных людей доступной вневременную область психики. Эволюция мира определяется эволюцией сознания, эволюцией познания отношений между человеком и автономным миром, между человеческой восприимчивостью и божественной автономией.

Тем не менее сегодня мы ежедневно сталкиваемся с присущими модернизму признаками душевного недомогания – мы об этом читаем в газетах, находим в своих зависимостях и фобиях, а также видим в тревожных снах. Это не наивная ностальгия по прошедшим как будто более легким временам, которую мы интуитивно ощущаем в превратностях современной жизни. Скорее речь идет о том, что пишет Юнг:

Человек ощущает себя изолированным в космосе, поскольку утеряна его связь с природой... с явлениями природы... постепенно утратившими свою символическую сопричастность. Гром – уже не голос гневающегося бога, а молния – не орудие его возмездия. В реках нет водяных, в деревьях не присутствует жизненное начало... змеи не являются воплощением мудрости, а горные пещеры не служат прибежищем великого демона. Камни, растения и животные более не говорят с человеком, да и он сам не говорит с ними, как раньше, в надежде, что его услышат. Нет больше связи с природой, нет и той глубоко эмоциональной энергии, порождавшейся этим символическим единением.¹⁶

Восприимчивость к мифу восстановить невозможно – мы слишком давно ее утратили. Мы слишком развили свое сознание, иначе говоря, мы слишком отделили себя от инстинктивной жизни. Последнее предложение Юнга в этом отрывке является ключевым. Космос – это энергетическая система, частью которой мы являемся. Если мы уже не являемся частью живой мировой сис-

¹⁶ C.G. Jung, *Man and His Symbols*, p. 95. (Рус. перевод: Юнг К.Г. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 2006.)

темы, то нас больше не наполняют и нами не движут эти соединяющие энергии.

Опять же, это не означает, что надо вернуться к первоначальным связям с внешним миром, но мы должны уметь согласовывать свою сознательную жизнь с глубинными намерениями психики, если только сможем воссоединиться со своими глубоко погребенными мифологическими откликами. Поскольку психика – это место встречи души с внешним миром и также с человечеством, то такое восстановление согласия хотя и не убережет нас ни от страданий, ни от смерти, но поможет создать более глубокое ощущение гармонии с богами.

В конечном счете, именно в этом заключается основное содержание работы со сновидениями. Мы не знаем, откуда берутся сны¹⁷, зато мы знаем, что если мы будем следовать их мифологическим образам, то нам откроется возможность согласовать сознательный выбор с намерениями души. Когда мы придем к этому согласию, оно даст нам ощущение гармонии и смысла. Альтернатива – это подчинение отщепленным комплексам или внешним нормам, которое в результате приводит к неврозу. Таким образом, выявление человеком своей индивидуальной мифологии посредством отслеживания своих снов – это работа, связанная с мифопоэтической настройкой. В таком случае, по крайней мере на какое-то время, восстанавливаются древние связи, о которых говорил Юнг, и человек живет жизнью, в которой выражается воля божества.

В автобиографии Юнга есть очень интересное место, в котором он описывает свою глубинную связь с природными энергиями во время поездки в Кению и которое заставляет снова и снова проникнуться величием и торжественностью картины:

С невысокого холма нам открывался величественный вид на саванну, протянувшуюся до самого горизонта; все покрывали бесчисленные стада животных – зебр, антилоп, газелей и т.д. Жуя траву и медленно покачивая головами, они беззвучно текли вперед, как спокойные реки; это мерное течение лишь иногда прерывалось однотонным криком какой-нибудь хищной птицы. Здесь царил по-

¹⁷ Очень удачным вымыслом Юнга было понятие Самости, под которым он имел в виду автономное упорядочивание реальности через систему отсчета, трансцендентную Эго.

кой извечного начала, это был такой мир, каким он был всегда, до бытия, до человека, до кого-нибудь, кто мог сказать, что этот мир – «этот мир». Потеряв из виду своих попутчиков, я оказался в полном одиночестве и чувствовал себя первым человеком, который узнал этот мир и знанием своим сотворил его для себя.¹⁸

Медленная размеренная поступь пасущихся копытных, печальные крики стервятников, поджидающих падаль, состояние извечного покоя – это состояние пребывания вне времени; именно так живут наши души, независимо от присутствия Эго.

Поскольку Юнг был совсем не глуп, его замечание о том, что он ощущает себя у истоков сотворения мира, как бы участвует в его создании, по существу является признанием глубины соучастия, к которому призвано все человечество. Привнося осознание данного момента и отказываясь от обычных навязчивых притязаний Эго, Юнг свидетельствует о своей мистической сопричастности, *participation mystique*, с божествами. Эта глубина реальности открывается нам все время, однако она редко открывается сознанию. Никто из нас не может избежать повседневного нашествия напастей и бед, оказавшись в такой саванне души, переживания которой испытал в Кении Юнг, но тем не менее мы несем в себе эту вневременную размерность души. История распорядилась так, что религия и родовая мифология порождали нуминозные образы, которые могли нас соединять с такими мгновениями вечности.

Замечание Юнга вовсе не является примером антропоморфического высокомерия; скорее этим он выражает смиряющую ответственность, сакральный зов. Юнг далее пишет:

Человек есть тот, кто завершает творение... он тот же создатель... только он один вносит объективный смысл в существование этого мира; без него все это, неслышанное и неуиденное, молча поглощающее пищу, рождающее детенышей и умирающее, бессмысленной тенью сотни миллионов лет пребывало в глубокой тьме небытия, двигаясь к своему неведомому концу. Только человеческое со-

¹⁸ *Memories, Dreams, Reflections*, p. 255. (Рус. перевод здесь и далее: Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления / Пер. с нем. под ред. В. Поликарпова. Минск: Харвест, 2003.)

знание придает всему этому смысл и значение, и в этом великом акте творения человек обрел свое неотъемлемое место.¹⁹

Наша жизнь – это приглашение к сознательной рефлексии, это вызов выдержать, оказавшись свидетелем масштабной символической драмы, которая разыгрывается и в истории, и в каждом отдельном человеке. Хотя более глубинные намерения таких указаний могут приводить Эго в недоумение и даже испугать, подчинение таким великим энергиям, которые мы называем богами, призывает нас более почтительно относиться к ним по сравнению с тем, как мы привыкли это делать раньше.

Исторически сложилось так, что во всех мировых религиях в разной степени сохранялась восприимчивость к мифу, а также соучастие людей для более масштабного бытия. Для одних людей такое соучастие становится возможным через религиозные традиции и участие в жизни общины; для других центр тяжести перемещается с санкционированных «его преподобий» и «их высокопреосвященств» на уникальность индивидуального странствия.

Создание поддержки индивидуального странствия в более масштабной жизни – это главная задача глубинной терапии. Как нам известно, в основном рамки современной терапевтической практики ограничиваются ослаблением симптомов, обновлением поведения и когнитивных установок и фармакологическими интервенциями. При всей пользе, которую иногда приносят эти методы, сами по себе они являются поверхностными, если считать, что самая глубокая потребность каждого из нас состоит в поиске смысла, в открытии для себя новых духовных точек отсчета и в повышении собственной роли в сотворении своей жизни. Аналитическую психологию критиковали за ее сомнительную «глубоко религиозную» направленность. На это я бы ответил, что именно углубление духовности, в широком смысле этого слова, является самой насущной потребностью большинства из тех, кто оказывается на пороге кабинетов юнгианских аналитиков.

За всеми нашими патологиями, всей нашей симптоматикой, которая может выражаться в депрессии, зависимостях, проблемах в межличностных отношениях, печали, тревоге или потере ориентации в жизни, – совершенно по-разному проявляется скрытая

¹⁹ Ibid., p. 256.

религиозная проблема. Более того, Юнга оговаривали, обвиняя его – подумать только! – в мистицизме и гностицизме. Каждое из этих понятий относится к человеку, испытывавшему индивидуальное нуминозное переживание, и вряд ли – к преступнику. Мы знаем, что человек по-разному отправляет традиционные культы, лишь бы избежать религиозного переживания, он даже может использовать терапию как бессознательную стратегию, оберегающую его от зла и сдерживающую устремления души. Нам известно, что научная практика во многом представляет собой обсуждение жизни в такой форме, которая позволяет избегать ее проживания. Но, конечно же, такое избегание, то есть пребывание в подвешенном состоянии до тех пор, пока не умрем, опрощает душу. Несомненно, жизнь заключается в том, чтобы подойти к нуминозному переживанию.

Последний новогодний доклад, посвященный космологическим перспективам, предсказывает, что если Вселенная будет продолжать ускоряться прежними темпами, под действием неких «темных сил», как их называют астрофизики, то

...вместо того чтобы спокойно уплывать в ночь, дальние галактики будут по существу разлетаться с такой скоростью, что между ними не будет возможна никакая связь. По существу, получится так, словно мы будем жить в центре черной дыры, которая становится все более пустой и более холодной.²⁰

В XVII веке Блез Паскаль заметил, что его пугает молчание этих бесконечных пространств. Что ж остается думать нам, прочитавшим статью астрофизика Лоренса М. Кросса с его выводами о бесконечном расширении космических пространств: «Все наше знание, цивилизация и культура обречены на забвение. И это ждет нас в не столь отдаленном будущем»²¹. Такова реальность, и огромный метафизический лабиринт, по которому сознательно или интуитивно блуждают наши соплеменники, скрывается под каждым их визитом к терапевту, неотступно присутствует в каждом культовом учреждении и выражается в жестикуляции и в любой повседневной и хорошо известной нам патологии.

²⁰ Dennis Overbye, *The Houston Chronicle*, January 1, 2002. (См. также: Кросс Л., Шерпер Р. Наступит ли конец космологии? / В мире науки. 2008. Июнь. [Электронный ресурс: <http://www.sciam.ru/article/3775/>])

²¹ Ibid.

Это не значит, что глубинная психология всего-навсего религиозный суррогат, – совсем наоборот. Полагать так было бы большим высокомерием. Аналитик – это не пастор и не муфтий; однако он служит богу Гермесу, богу «всех “между”», богу, чья задача состоит в выявлении божественного намерения. Глубинная психология поддерживает вовлеченность человека в таинство его странствия, стремится поддержать этого человека в его встрече с невидимым миром, обязательно проявляющимся в ходе этого странствия, которое совершается мужественно, интегрированно и последовательно.

Фокусироваться на запросе человека как на «проблеме», точнее, как на симптоме проблемы – значит пренебречь архетипическим зовом исцеляющей профессии. Ограничить план лечения человека лишь коррекцией его поведения и когнитивных процессов, в основном прибегая к химическим препаратам, – значит не иметь мужества и остаться закрытым для масштабных вопросов, воплощенных в повседневной жизни. Лечить только симптом – значит работать не только поверхностно и контрпродуктивно в отношении долговременной перспективы, но и ненамеренно нарушать духовную целостность человека.

Восприимчивость к мифу проявляется, когда мы вступаем в отношения с глубинами, с автономным Другим – будь то другой человек, природа или даже наша собственная автономная часть, требующая осознанного внимания. Некоторые исследователи мифа считают, что такое представление в отношении восприимчивости к мифу заводит слишком далеко. В таком случае почти все имело бы мифическую природу. На самом деле так и есть: все *имеет* мифическую природу, если оно вовлекает Эго и вызывает процесс переосмысления.

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что сны человека являются мифологическими, – не только в общепотребительном смысле, что им часто присущи более масштабные, чем в жизни, персонажи, нуминозные фрагменты и смутные финалы, но и по той причине, что они, сознательно или бессознательно, реструктурируют чувствительность Эго. Я согласен с мнением, что сновидение становится действенным, даже когда о нем забывают, им пренебрегают или его отвергают. Оно оказывается вне сферы сознательной структуры и обладает нуминозностью, которая оказывает свое воздействие независимо от того знаем мы об этом или нет.